

**Русское отношение к вежливости:
контексты употребления слов
вежливость, вежливый, вежливо**

Вежливость как таковая является прагматической универсалией, связанной с речевым этикетом. В самом общем эта вежливость определяется как «моральное качество, характеризующее человека, для которого уважение к людям стало повседневной нормой поведения и привычным способом общения с окружающими» [7:39]. Универсальная значимость этой категории не исключает тем не менее ее национально специфических свойств. Как правило, эти свойства осмысляются в дискурсе впечатлений от встреч с представителями другой культуры. Не случайно в контекстах употребления слова *вежливый* соответствующее определение встречается в сочетании с названиями представителей тех или иных национальностей. Ср.: «*Вежливый немец, во время краткого визита в нашу столицу вновь осмотревший две территории, претендующие стать местом возведения автодрома международного класса, уклонился от прямых ответов*» [Б. Мурадов. Кольцо не сразу строилось // Формула. 2001]. Как правило, национальное содержание или своеобразие категории вежливости осмысляется в работах тех русистов, которые в силу разных причин работают за рубежом или же в работах зарубежных русистов¹

Что касается реакций современного носителя русского языка на содержание вежливости как составляющей речевого этикета, то они не однозначны. Эти реакции, как правило, фиксируются в контекстах употребления соответствующих слов. Учитывая связь значения слова *вежливость* с семантическим компонентом «повседневная норма поведения», а также такую психологическую закономерность, как «неинтересность» нормы для говорящего², можно ожидать, что употребле-

ние этого слова будет ограничено дидактическим дискурсом. Тем не менее анализ функциональных контекстов слова «вежливый» обнаруживает следующее. В Национальном корпусе русского языка³ [5] зарегистрировано 300 контекстов слова *вежливость*, 400 контекстов слова *вежливый* и 2000 контекстов слова *вежливо*. Это достаточно высокий показатель, демонстрирующий, что категория вежливости как таковая входит в «светлое поле сознания» носителей русского языка и осознается как важная. Это подтверждается характером оценочного модуса, неизменно включающего те или иные высказывания, содержащие упоминания о вежливости.

В частности, на уровне употребления слов *вежливый*, *вежливо*, *вежливость* выявляется значимость оценочного контекста, который отражает разграничение позитивной и негативной вежливости. Так, прилагательное *вежливый* в качестве определения сочетается с наречиями, которые выступают в функции предикатов негативной оценки (ср.: обидно вежливый голос), а также с рядами однородных членов, вводящих слово в контекст экспрессивной снижающей оценки (ср.: «*Туробоев, холодненький, чистенький и вежливый, тоже смотрел на Клима, прищуривая темные, неласковые глаза, – смотрел вызывающе.*» [М. Горький. Жизнь Клима Самгина. Часть 1. 1925]. Часто прилагательное *вежливый* соединяется с предикатами, указывающими на отсутствие ожидаемых чувств или же состояний, что оценивается негативно: «*Стоит меня перегнуть – и я становлюсь совсем деревянный, сухой и глухой, навсегда очень вежливый, и меня уже нечем взять*» [Л. Гинзбург. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. 1920–1943]. Нередко контекст употребления слова *веж-*

¹ См работы Е.А. Земской [2], Т.В. Крыловой [4], Р. Ратмайер [6].

² Неинтересность нормы для говорящего отмечает Н.Д. Арутюнова [2:76].

³ Текстовый материал, анализируемый в статье, заимствован из Национального корпуса русского языка [4].

ливый выявляет включенность его значения в сферу такой оценки, как ненатуральность, которая в русском языке имеет явно негативную коннотацию. Ср.: *«Мало-помалу он терял свой официальный, всегда холодно-вежливый характер, он становился разнообразнее, нецеремоннее и натуральнее»* [М. Авдеев. Тамарин. 1851]; *«У нас любят позлословить, что все на Западе механическое, ненатуральное – и вежливость, и улыбки, и готовность помочь»* [В. Грицюк. Магия пасторали // Вокруг света. 2004].

Сама по себе негативная эмоциональная реакция на те или иные проявления вежливости показывает, что вежливость для русских не является ни нормой, ни стереотипом поведения, ведь стереотип, как правило, не осознается людьми. Отсюда градуированность степеней проявления вежливости, представление о том, что она может быть чрезмерной, а это также оценивается негативно. Ср.: *«– Вы такой вежливый, что даже тошнит»* [Э. Володарский. Дневник самоубийцы. 1997]. Как следствие, фиксируется возможность слова *вежливый* сочетаться с местоимением *такой*, которое выступает маркером градуированности качества самой вежливости, характер же оценки этого качества определяется контекстом. Значимой оказывается и степень проявления вежливости. В силу этого говорят о преувеличенной, чрезвычайной или же подчеркнутой вежливости

Знаками негативной оценки качества и степени вежливости являются определения к соответствующим словам. В ряду определений вежливость может быть протокольной, напускной, холодной, приторной, сухой, отстраненной, мещанской, недоступной, неприятной. (Ср.: *«На ней был спортивный костюм, за плечами угадывался кожаный рюкзачок, и покрашенные глаза за стеклами очков излучали протокольную вежливость»* [Д. Каралис Роман с героиней // Звезда. 2001]. Проявления *вежливости* могут иметь вежливо-ехидный, вежливо-ледяной характер. Отражая особенности характера или поведения участников ситуации, вежливость получает такие сопутствующие характеристики, как приторно-вежливый, неприятно-вежливый, а представленная как признак или ситуативная характеристика чего-либо входит в сопоставления: вежливо и незаинтересованно, вежливый и вежливо безразличный, но твердо, вежливо, настойчиво и т.п.

Нередко вежливость и ее проявления становятся объектом развернутой оценочно-эмоциональной интерпретации. Ср.: «Вместе

с этим у них явилась по отношению ко мне какая-то преувеличенная, изысканная вежливость; ясно чувствовалось недоверие и отвращение ко мне, но и то, и другое тщательно прикрывалось этой вежливостью, которая лишала меня возможности поставить вопрос прямо и отказаться от дальнейшего лечения» [В. Вересаев. Записки врача. 1895–1900]. Как видим, вежливость воспринимается и интерпретируется как способ социальной маскировки истинного отношения к Другому или же тайных намерений. Возможно и более сильное утверждение: для русских значимость вежливости как составляющей речевого этикета оказывается почти нулевой. Не случайно в литературном узусе фиксируется представление о простой, или элементарной, вежливости. Ее ценность возрастает по мере того, как она сопрягается с позитивными чувствами в отношении к человеку

Вообще модус восприятия или интерпретации является типичным для контекстов употребления слов отмеченной группы. Можно говорить о том, что эта категория находится в зоне постоянной прагматической напряженности русской культуры общения. Не случайно русские люди в вежливости чувствуют нечто иное, она сама по себе производит то или иное впечатление, ее могут понимать как проявление иных качеств. Ср.: *«Прошу не шутить, – посоветовал жандарм, дергая ногою, – репеек его шпоры задел за ковер под креслом, Климу захотелось сказать об этом офицеру, но он промолчал, опасаясь, что Иноков поймет вежливость как угодливость»* [М. Горький. Жизнь Клима Самгина. Часть 2. 1928]. Если же в том или ином высказывании нет специальных показателей интерпретации, соответствующий модус имплицитно определяется семантикой контекста, нередко содержащего метафорическую негативную оценку. Ср.: *«Комсомольский деятель пошел совсем иной – прагматичный, абсолютно циничный, вежливый и скользкий»* [А. Козлов. Козел на саксе. 1998].

Аналогично формируется позитивный план вежливости. В контексте позитивной оценки вежливость либо связывается с проявлениями тех или иных позитивных чувств, или же наделяется эстетическими качествами. Ср.: душевная, изысканная, утонченная вежливость; изысканно-вежливый; по-королевски вежливо. Как и в контекстах негативной оценки, позитивно воспринимаемая вежливость ассоциируется с теми или иными позитивными качествами человека. Контексты сопоставлений в этом случае формируют та-

кие ряды: уравновешенный, немногословный, вежливый // вежливый, воспитанный // вежливый, утонченный // приветливый, вежливый со всеми // скромный, вежливый и добродушный и т.п. Ср. примеры, подтверждающие правомерность выделения таких рядов: *«Ловкий, тонкий, необыкновенно приятный в обществе, услужливый, приветливый, вежливый со всеми без низости, он был любим почти всеми, кто его знал, и хотя некоторые почитали его пронырливым интриганом, но никто не умел представить на это доказательств; у него остался один только законный сын от давнишнего брака, который служит в Грузии»* [М. Корф Из дневника. 1838–1839]. Наличие таких рядов еще раз подтверждает национально-специфическую значимость связей вежливости не столько с речевым этикетом, сколько с внутренним миром человека

Обращают на себя внимание и особенности эксплицитной социально-этнической оценки вежливости. В контексте такой оценки выявляется прагматическая пресуппозиция, в рамках которой вежливость предстает как элитарное свойство тех или иных социальных групп или народов, для которых вежливость является ценностно неизменной. В то же время характер ее проявления у представителей определенных социальных групп маркируется по определенным признакам. Ср.: *«Преувеличенная вежливость пролетария»* [В. Набоков. Лолита. 1955]. Естественно, что содержание социальных оснований для подобной оценки исторически обусловлено и меняется со временем.

Оценочно-прагматический план категории вежливости обобщает особенности русской наивной этики и дополняет содержание тех средств ее выражения, которые формируют план речевого этикета. В то же время функциональный план рассматриваемых средств затрагивает еще одну социальную особенность этой категории: в современном представлении вежливость предстает как этическая норма, не подкрепленная жизнью. Ср.: *«Вежливый врач, добрый журналист, чувствительный милиционер – это сказочные персонажи, появление которых в реальной жизни воспринимается как случайность»* [С. Новопрудский. Такси-джаз // Известия. 2002.11.05]. На эту же особенность обращают внимание русские эмигранты. Вспоминая о встрече с Муравьевым-Апостолом, потомком русских аристократов, русским патриотом, бывшим в свое время замминистра иностранных дел Швейцарии, фи-

лософ Пятигорский рассказывает: *«Он приехал в перестройку в Россию, в восторге – какие люди! «Но, вы знаете, – говорил он, – у русских есть один недостаток». Я думаю, скажет «жулики» или что-нибудь в этом роде. «Один недостаток, – заключает Муравьев-Апостол, – считайте его поверхностным – они нелюбезны». И тут я в порядке автоматической русской пошлости говорю: «Знаете, им тяжело все-таки живется». Он посмотрел на меня сверхсерьезно и сказал: «Я был главным комиссаром ООН по работе с бедной Сан-Пауло и Рио-де-Жанейро. Миллионы людей питаются отбросами. Девочек с десяти лет заставляют заниматься проституцией. Нищета, грязь кошмарная, но они – любезны»* [1]. Как видим, сравнение с бедной Сан-Пауло и Рио-де-Жанейро оказывается не в пользу бывших жителей большой страны, гордящихся своей культурой. В этом несоответствии культурного наследия XIX в. и нелюбезного общежития XX в. проявляется парадоксальное своеобразие современной жизни. Не случайно в многообразии контекстов употребления слова *вежливый* встречаются такие, которые указывают на отсутствие этой категории в жизни. Именно в таких случаях слово *вежливость* получает определение «обычная» или «простая». Именно эту разновидность вежливости минуют, она исчезает, к ней призывают. Ср.: *«У нас получилось пустое пространство: от хамства мы сразу хотим перейти к милосердию и минуем при этом обычную вежливость»*; *«Может быть, важнее понять, почему исчезла вежливость?»*; *«В провинции, кстати, вежливость все-таки, мне кажется, сохранилась»* [3. Гердт. Возвращение в будущее // Труд. 1989.01.01].

Упоминание о вежливости и интерпретация ее содержания является особенностью так называемого интеллигентского дискурса, обнаруживающего довольно слабую связь с русским религиозно-этическим дискурсом. Именно в последнем актуализируется внутренняя форма русского слова *любезность*, связанная со словом *любить*, а также с назначением вежливости в качестве гарантии уважения к человеку. Ср. пример интерпретации: *«Всякое «сочувствие» – сострадание и сорадование, – как бы поверхностно и мимолетно оно ни было, и даже простая улыбка приветия – в конечном счете, даже простая «вежливость», поскольку она не есть внешняя, заученная манера, а истекает из непосредственного «уважения» к человеческой личности, – есть проявление любви*

в намеченной нами здесь метафизической ее сущности» [С. Франк. Непостижимое. 1938]. За этой особенностью стоит отличие русской культуры, которая, как известно, связана с бинарной моделью мира в православии (Ад и Рай, Добро и Зло), не проецируемой в план общественных отношений. В тринарной модели западного мира между Адом и Раем, Добром и Злом есть опосредующих их третий элемент, содержательно связанный в разных дискурсах с Чистилищем / Гражданской конвенцией. Возможно, в силу отсутствия такой конвенции, освященной церковью, в русском интеллигентском дискурсе содержание и назначение вежливости каждый раз уточняется, а содержание соответствующего понятия толкуется. Неопределенность толкования или осознания прагматической предназначенности и ценностной значимости категории вежливости и обуславливает ее включение в модус, подрывающий конвенциональный характер этой прагматической категории. Ср.: «Человек он был действительно простой, проще некуда, и хороший и добрый и, может быть, и вежливый – как для кого» [Е. Попов. Душевные излияния и неожиданная смерть Фетисова. 1970–2000]. Дополнительной характеристикой социального плана русской вежливости является ее избирательный характер. Необходимость быть вежливым нередко определяется коммуникативной целесообразностью. Она же повышает значимость социального статуса собеседника. Только в элитарном культурном дискурсе актуализируется важнейшая прагматическая составляющая вежливости – ее направленность на Другого. Ср.: «Так вот, сказав слово «дурак», я тем самым сделаю еще одно предупреждение: в обычных человеческих ситуациях существует такое правило, как вежливость – допущение, что другой человек не хуже тебя и не дурак» [М. Мамардашвили. Введение в философию. 1986]. В обыденном же дискурсе неизменно актуализируется качественная составляющая вежливости, предстающая как характеристика ее носителя. Тем самым осмысление этой категории из диалогического, бытийного модуса переводится в модус монологический и фикциональный.

Прагматический контекст вежливости расширяется за счет иронического употребления слов указанной группы. В этом случае то или иное слово входит в содержательный контраст с последующим контекстом. Ср.: «– Спятила, старая? – вежливо спросил Шляпников. – Совсем одурела?»; «Матерится негромко, вежливо» [Т. Шахвердиев. Вокзаль-

ная Россия. Социализм с багровым лицом // Известия. 2002.05.19]. Если слово *вежливо* в рамках антифразиса получает противоположное значение, то в иных иронических контекстах оно используется в прямом значении. Иронический план в таких случаях формируется его контрастным соположением с содержательной интерпретацией истинного прагматического плана, сокрытого социальной конвенцией. Ср.: «Он не способен к учению, и его вежливо выставляют из школ; в художественном колледже Леннон тоже не лучший» [А. Филиппов. Реконструкция любви. Леннон и Оно: факты на месте, тайна отсутствует // Известия. 2001.10.31]. Нередко истинный прагматический план вежливости эксплицируется, что переводит высказывание в модус разоблачения. Ср.: «Или наоборот, подчеркнуто вежливо ведут разговоры о погоде и ценах на нефть – чтобы за незначительными фразами вывести, насколько привлекает собеседника вывешенный в дальнем углу драгоценный текинский ковер» [Hotel drouot: все на продажу // Мир & Дом. City. 2003]. Достаточно часто вежливость осознается русскими как способ экспрессивного воздействия на собеседника. Ср.: «Подойдя к толпе, он вежливо представился сотрудником милиции (как он думал: для пуцелы убедительности) и предложил прекратить безобразие, а также разойтись по домам [В день большого бодуна // Криминальная хроника. 2003.07.08]. Во всех этих примерах в отношении русских к вежливости выявляется все та же особенность – эта категория речевого этикета проявляется нерегулярно и всегда оценивается.

Анализируемые контексты выявляют и новый функциональный план слов *вежливый / вежливо*: они употребляются в качестве прагматического маркера, выступая как знак эвфемизации или смягчения речи. Ср.: «С этой же точки зрения выглядит, вежливо говоря, диковатое узаконение многодневной пьянки аккурат во время Рождественского поста» [А. Привалов. О национальной гигиене // Эксперт. 2004]; «Вторая колонна – националисты, наследники идей белогвардейцев, которых в компартии почему-то вежливо называют «патриотами»» [«Ком партии» // Новая газета. 2003.01.02]. Смещение значения слова *вежливо* в контексте эвфемизации также формирует иронический план высказывания. Известно, что суть иронии как модуса сознания состоит в своеобразном «остранении», снимающем все коннотации значимости или важности того, о чем идет

речь. Тем самым в иронических контекстах обыгрывается план невысокой значимости вежливости как таковой.

Анализ разнообразных контекстов употребления слов *вежливый* / *вежливо* / *вежливость* позволяет сделать такие выводы:

1. Содержательная сторона категория вежливости для носителей русского языка не является строго определенной, что приводит к включению ее в модус интерпретации или восприятия. В этом проявляется общая закономерность русского общения: его этикетные формы либо игнорируются, либо наполняются личным содержанием. Это в свою очередь обуславливает оценочный характер интерпретации феномена вежливости.

2. На аксиологической шкале более значимой оказывается негативная оценка проявлений вежливости. При этом негативно оценивается не вежливость как таковая, а отсутствие в ней искренности, которое в русской культуре оценивается высоко. Обозначение негативных

и позитивных планов проявления вежливости, как правило, осуществляется в широком ряду сопоставлений, выявляющих качества, ценимые представителями русской культуры. Характер оценочного модуса является опосредованным проявлением неоднозначного отношения русских к социальной конвенции (Закону), которому в русском общении противопоставлена искренность (Правда).

3. Аксиологическое содержание категории вежливости в целом социально, прагматически обусловлено и меняется во времени. Редукция ценностного плана категории вежливости приводит к расширению значений и функций соответствующих слов, формирующих иронический и эвфемистический план высказываний. И в первом, и во втором случае слова *вежливый* / *вежливо* утрачивают коннотацию важности и становятся прагматическими маркерами коммуникативной установки говорящего.

Литература

1. Амелин Г.Г., Пятигорский А. «Мышление ведь происходит формами...» / «НЛО». – 2003. – № 59. Электронный ресурс. Режим доступа // <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/59>.
2. Арут юнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1998.
3. Земская Е.А. Категория вежливости: общие вопросы – национально-культурная специфика русского языка // *Zeitschrift fur sla-vische Philologie*. Heft. 2. – 1996.
4. Крылова Т.В. Правила

вежливости в русском наивном этикете и их лексика // *Языковая картина мира и системная лексикография*. – М., 2006. – С. 242–275.
5. Национальный корпус русского языка. Электронный ресурс. Режим доступа – <http://www.ruscorpora.ru/index.html>.
6. Рат майр Р. Прагматика извинения: сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. – М., 2003.
7. Словарь по этике. – М., 1982.

АНОТАЦІЯ

В статті розглянуто особливості сприйняття та оцінної інтерпретації категорії ввічливості, що віддзеркалюють типологічні риси російської мовленнєвої культури.

SUMMARY

The article deals with the characteristics of perception and evaluative interpretation of the category of politeness which reflect the typological features of the Russian discursive culture.